

Публикации

УДК 001.32

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-10-220-233

«Довелось побывать на фронте...»: Военные страницы биографии филолога Николая Гудзия

Максим А. Фролов

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Москва, Россия, m.a.frolov@gmail.com*

Аннотация. В публикации рассказывается о военных эпизодах в биографии историка литературы и филологической науки, педагога Н.К. Гудзия – о двух его поездках на фронт Великой Отечественной войны (вместе с коллегой, литературоведом Д.Д. Благим), организованных Политическим управлением Красной Армии в марте и в июле 1944 г. Первая из них была связана с посещением боевых частей Прибалтийского фронта и чтением лекций офицерам и солдатам о Пушкине. Важность второй была обусловлена участием Гудзия и Благого в работе Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Пушкинском заповеднике (ученые посетили Пушкинские горы, Михайловское, Петровское, Тригорское, городище Воронич). Для подробного рассказа об их подготовке и проведении были привлечены прежде не публиковавшиеся полевые дневниковые записи Гудзия. Полностью републикуется текст заметки Гудзия и Благого «Поездка на фронт». Кроме того, цитируются статьи Гудзия и Благого, увидевшие свет в центральных и фронтовых газетах в 1944 г. и написанные по горячим следам упомянутых поездок.

Ключевые слова: Н.К. Гудзий, Д.Д. Благой, А.С. Пушкин, Великая Отечественная война, «На разгром врага!», «Литература и искусство»

Для цитирования: Фролов М.А. «Довелось побывать на фронте...»: Военные страницы биографии филолога Николая Гудзия // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 10. С. 220–233. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-10-220-233

“Had a chance to be at the front...”.
War pages of the biography
of philologist Nikolai Gudziy

Maksim A. Frolov

*A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, m.a.frolov@gmail.com*

Abstract. The publication tells about war episodes in the biography of the historian of literature and philology, teacher N.K. Gudziy – about his two trips to the front of the Great Patriotic War (together with his colleague, literary scholar D.D. Blagoy), organized by the Political Directorate of the Red Army in March and July 1944. The first of them was connected with visiting combat units of the Baltic Front and giving lectures to officers and soldiers about Pushkin. The importance of the second was due to the participation of Gudziy and Blagoy in the work of the Commission for the Establishment and Investigation of the atrocities of the Nazi Invaders in the Pushkin Reserve (the scientists visited the Pushkin Hills, Mikhailovskoye, Petrovskoye, Trigorskoye, and the Voronich hillfort). For a detailed account of their preparation and implementation, previously unpublished field diary entries by Gudziy were used. The text of Gudziy and Blagoy’s article “A Trip to the Front” is republished in full. In addition, articles by Gudziy and Blagoy, published in central and front-line newspapers in 1944 and written hot on the heels of the aforementioned trips, are cited.

Keywords: N.K. Gudziy, D.D. Blagoy, A.S. Pushkin, The Great Patriotic War, “To Defeat the Enemy!”, “Literature and Art”

For citation: Frolov, M.A. (2024), “ ‘Had a chance to be at the front...’. War pages in the biography of philologist Nikolai Gudziy”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 220–233, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-10-220-233

Пушкинская тема сопровождала научный путь филолога, историка науки, педагога Николая Каллиниковича Гудзия (1887–1965) с самого начала 1920-х гг. и до последних лет его жизни, хотя он сам отнюдь не считал себя специалистом по творчеству Пушкина. 14 февраля 1949 г. Гудзий в письме к литературоведу Ю.Г. Оксману, отвечая на похвалу многоопытного пушкиниста, высоко оценившего книгу старшего коллеги о Пушкине, рассчитанную на широкую читательскую аудиторию, назвал себя «дилетантом в этой священной области» [Переписка 2020, с. 142]. Судьбе было угодно, чтобы эта тема в очередной раз попала в центр внимания Гудзия в обстоятельствах исключительного свойства, – в трудные для всей страны военные годы, – и в неожиданном преломлении.

Искренне сочувствующий ежедневному подвигу мужества советских воинов, Гудзий, гуманист по складу своей личности, человек, многое сделавший для отечественной культуры и для ее сохранения, очень лично воспринял опасность, грозившую не только людям, но и «культурным святыням». Так, в январе 1942 г., находясь в эвакуации в Свердловске, он выступил в газете «Уральский рабочий» со статьей, которая так и называлась – «Мы не забудем осквернения наших святынь!». Статья была посвящена печальной судьбе Музея-усадьбы «Ясная Поляна», сорок пять дней находившейся под немецкой оккупацией и освобожденной 14 декабря 1941 г. Многие Гудзий знал, так сказать, «из первых рук»: исследовательница биографии и творчества Л.Н. Толстого, текстолог и сотрудник московского музея писателя, добрая знакомая Гудзия, Э.Е. Зайденшнур участвовала в восстановлении усадьбы [Зайденшнур 1994, с. 429–430]. В статье, в частности, подчеркивалось:

...фашистские вандалы, заняв Ясную Поляну и задавшись целью истребить все, что связано с именем и памятью Толстого, сожгли при своем отступлении и амбулаторию, и больницу, и школу, и общежитие при ней, и школьную библиотеку в 18 тысяч томов. В последний момент они подожгли и самый дом Толстого, уцелевший лишь благодаря самоотверженным усилиям музейных работников, но все же значительно пострадавший. Как заправские воры и грабители, фашисты раскрали много ценных толстовских экспонатов и реликвий; многое они просто перепортили и испоганили. Они надругались и над могилой Толстого, устроив рядом с ней кладбище для своей падали¹.

Стране предстояло провести еще три с половиной года в противоборстве с фашизмом.

Наступил 1944 г. В ходе Ленинградско-Новгородской операции (14 января – 1 марта) свершилось освобождение Ленинграда от блокады, продолжавшейся 872 дня, а Псковско-Островская операция (11–31 июля) принесла свободу городам, селам и деревням Псковской области, в частности Михайловскому, Тригорскому, Пушкинским горам. Именно в этот период две темы – война и Пушкин – стали одним целым в жизни Гудзия. С Д.Д. Благим Гудзию довелось дважды побывать на фронте – в марте они посетили города, села и военные части 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов, а в июле были включены в число членов комиссии, посетившей и обследовавшей места Псковской области, связанные с именем поэта:

¹ Гудзий Н. Мы не забудем осквернения наших святынь! // Уральский рабочий. 1942. 18 января. № 15. С. 2.

В июле 1941 года в Пушкинский Заповедник ворвались гитлеровцы. Три года они хозяйничали здесь, разрушая и уничтожая Пушкинские памятники. Комиссия в составе: председателя Союза советских писателей СССР Н.С. Тихонова, депутата Верховного Совета Союза ССР И.П. Бойцова, писателя Л.М. Леонова, писателя К.А. Федина, члена-корреспондента Академии Наук Союза ССР, профессора П.И. Лебедева-Полянского, доктора филологических наук, профессора Д.Д. Благого, доктора филологических наук, профессора Н.К. Гудзия, старшего научного сотрудника Б.В. Шапошникова и представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии П.О. Савчука, в течение с 26 июля по 1-е августа 1944 года всесторонне расследовала разрушения и злодеяния немецко-фашистских захватчиков в Пушкинском Заповеднике и установила, что немецко-фашистские захватчики преднамеренно разрушили Пушкинский Заповедник Академии Наук СССР, –

сообщалось в августе 1944 г. в «Акте» комиссии². С Благим Гудзию довелось работать на фронте теснее всего, оказаться не только коллегой по участию в расследовании последствий фашистской оккупации, но и соавтором нескольких текстов, представляющих и сегодня определенный исторический и научный интерес.

Общий военный сюжет в их судьбах оказался документирован еще одним очень важным источником – записной книжкой Гудзия. Первые записи за 1944 г. появились в ней в период с 29 февраля по 20 марта. Приведем их почти полностью, сопровождая по необходимости кратким комментарием:

29. Совещание>.

2-го. 3 ч. выезд из М<осквы>.

2-го. В 8 ч. в Волоколамске.

3-го. Из Волок<оламска> в 9 ч. – Ржев – в 1 ч. – в Торопец – 10 ½.

4-го. Из Торопца 11 ½ – Великие Луки – 3 ч. В 5 ч. на Невель.

В Невеле 9 ч. Зенитка 5-го из Невеля в 10 ч. В 12 ч. – в Мошенино. Встреча с Мишей³. Ночевка в Мало-Сокольниках.

² Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков: Сб. сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1946. С. 257.

³ Михаил Каллинович Гудзий (1900–1965), младший брат Гудзия; в описываемое время – полковник медицинской службы, начальник 1-го отделения Военно-санитарного управления 1-го Прибалтийского фронта; кавалер ордена Красной Звезды (1942) и ордена Отечественной войны I степени (1944).

6-го Выезд из Мало-Сокольн<иков> в 10 ч. у. Новосокольники – пустыня. На дороге – мины. Насва. Убитые немцы на дороге. Ушаково. <...> Встреча с 80-летним стариком. На гумне у него 3 убитых немца. <...> Ушаково освобождено неделю назад⁴. В лесах еще есть трупы и сейчас. Ночевка в Локне у милой супружеской пары. Ужасное впечатление от Новосокольников. По дороге в Ушаково – сожженные дотла деревни. Минные поля.

7-го. Степанькино. Ждем, когда можно будет двинуться в П<о-литическую> ч<асть>. Тесно, забито. Ночевали накануне в Локне. Выехали в 10 утра. Жили до 10<-го> в Боброве, в 1 ½ километрах от Степанькина, спали на нарах, от фронта 15–20 км.

10-го выехали в распоряжение армии. Остановка в Агурьеве. Спали на одной кровати с Благим. В комнате 9-месячный ребенок. Ждем. Перспективы для нас невеселые. Сколько ждать, неизвестно. Огромные успехи на юге (Умань, Тернополь)⁵.

12. Выезд утром за 10–12 километров в полевой госпиталь в лесу для чтения лекций о Пушкине агитаторам.

14-го выезд в штаб (политуправл<ение>) дивизии. Беседа с подполковником. Лекция офицерам о Пушкине. <...>

15 Выезд на батарею. Лекция о П<ушкине>. Снимали кино. Снимали с автоматчиками. Обед у командира арт<иллерии>, подполковника⁶. 3–4 кил<ометра> от передней линии.

Чудесный обед у командира артиллерийского полка Каплана⁷. Пушкин – центр. Какие люди! Пение, чтение стихов. <...>

Проезд через Новоржев, дотла сгоревший и разрушенный. Ночевка в Бежаницах в частной избе. Ночью бомбежка⁸.

16-го выезд из Бежаниц. Локня⁹. Насва. Вел<икие> Луки. Невель. <...> Ночевка на нарах в избе. Дети, женщины. 12 к<и>л<ометров> от фронта.

⁴ 29 января 1944 г. прорыв оккупации начался именно с Новосокольников, 31 января была взята железнодорожная станция Насва.

⁵ Имеется в виду Уманско-Ботошанская операция по освобождению территорий Правобережной Украины. Перед войсками 2-го Украинского фронта в феврале 1944 г. была поставлена задача «разбить Уманскую группировку войск».

⁶ Ф.И. Куцепин. См. примеч. 16.

⁷ По-видимому – *Лазарь Моисеевич Каплан* (1917–1994), майор, заместитель командира 951-го артиллерийского полка (391-я стрелковая дивизия, 3-я ударная армия, 2-й Прибалтийский фронт), Герой Советского Союза (1945).

⁸ Новоржев был освобожден 29 февраля силами 1-й и 22-й ударной армий.

⁹ Бежаницы и Локня были освобождены 26 февраля.

17-го в 2 ½ выезд в штаб 1-го Прибалтийского фронта. Дорога очень трудная. 20 км пропутали, приехали измученные. <...> Выехали за 19 км в политуправление фронта. Любезный прием полковника¹⁰. Хорошо спали на мягких постелях. Хорошо поужинали.

18-го после хорошего завтрака выехали в Мало-Сокольники за горючим. Обед у генерала с «горючим». Заправившись, поехали на Невель. Ночевка в Невеле в частном доме. Дважды пальба из зенитки. 3 часа искали пристанища.

19 в 9 ½ выезд из Невеля. Разрушенный Велиж. Демидов. Рудня. Минское шоссе, в 7 км от Смоленска. Ночевка в Ярцеве.

20 в 8 ½ выезд из Ярцева. Обед в Можайске. Чудесная Минская автострада. В 4 часа в Москве. В 8 ч. у Тани¹¹. Дома выключили свет¹².

Приведенные нами записи Гудзия послужили основой для текста, который, очевидно, предназначался для публикации в одной из фронтовых или центральных газет, но увидел свет в газете «Московский университет» 11 апреля 1944 г. Небольшой его фрагмент был процитирован в издании, выпущенном МГУ им. М.В. Ломоносова в 1957 г. к юбилею ученого [Николай Каллиникович Гудзий 1957, с. 12]¹³. Трудно не заметить родственность двух этих источников, объединенных еще и тем, что они были созданы «по горячим следам» (позволим себе такой публицистический оборот).

Поездка на фронт

В марте текущего года нам довелось побывать на фронте. Мы проезжали по дорогам, по обочинам которых валялись неубранные трупы немецких солдат, мимо не разминированных участков земли. Города и деревни, только что освобожденные от немцев, представляли картину

¹⁰ Начальником штаба 1-го Прибалтийского фронта был полковник *Владимир Васильевич Курасов* (1897–1973). Символично, что спустя много лет, в 1961 г., Курасову и Гудзию довелось стать научными консультантами съемочной группы кино-эпопеи С.Ф. Бондарчука «Война и мир».

¹¹ *Татьяна Львовна Гудзий* (урожд. Дунаевская; 1892–1966), супруга Гудзия. С 1923 по 1946 г. они проживали в Москве в доме 26 по Трубниковскому переулку. Гудзий вернулся в Москву из эвакуации в конце мая 1943 г.

¹² ОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 13. Ед. хр. 22. Л. 48–51. Записи сделаны карандашом в ежедневнике с тиснением «Клуб писателей. 1939. Москва» на страницах «Для памяти».

¹³ Примечательно, что эта публикация не была зафиксирована в библиографиях печатных работ Гудзия и Благого.

ужасающего опустошения и разорения. Хорошо, если остались каркасы каменных домов. Но сплошь и рядом нет и каркасов: немцы большей частью превратили городские дома в груды развалин, а от иных сел не осталось почти и следа. Уцелели, и то только частично, села, главным образом, расположенные на проселочных дорогах; на большаках же сохранились населенные пункты лишь в том случае, когда враг поспешно отступал, и ему не хватало времени уничтожить их.

Нам пришлось слышать много рассказов местного населения об ужасах немецкой оккупации, об угонах мужчин и женщин в Германию, о беззастенчивом грабеже немецкими разбойниками крестьянского имущества, о партизанских подвигах и народной мести насильникам. Мы были свидетелями праздничной радости и большого внутреннего возбуждения людей, ранее томившихся в фашистской неволе и освобожденных Красной Армией. Мы видели, как энергично и с каким подъемом восстанавливается жизнь на разрушенных и разоренных местах, как недавно еще угнетенный, но непокоренный врагом народ заживает свои тяжелые раны. На одном из полуразрушенных домов в Великих Луках, где помещался детский сад, от вывески уцелели лишь две буквы, – «АД», наглядно символизирующие все пережитое этим домом, как и всем городом; а сейчас в этом обрубок дома с заплатами уже кипит жизнь.

Огромную радость и большое нравственное удовлетворение получили мы от общения с бойцами и офицерами. Мы поняли, какая огромная, – не только боевая, но и моральная, – сила наша армия. Мы, профессора-литературоведы, воочию убедились в том, что наша великая литература – один из важнейших источников этой моральной силы нашего войска. На передовых позициях, под гул артиллерийской перестрелки мы читали солдатам и офицерам лекции о Пушкине, которого они благоговейно чтут и любят, и мы чувствовали, как их зажигает и воодушевляет творчество нашего замечательного поэта. Мы читали армейские газеты, в которых целые полосы отведены были Пушкину.

Мы уехали с фронта, убежденные в том, что, когда – очень скоро – придет черед возвратить родной земле Пушкинские горы, Михайловское и Тригорское, наш солдат будет их отвоевывать не только как важные населенные пункты, но и как священные для каждого советского гражданина места, связанные с именем и памятью величайшего сына земли русской.

Проф. Н.К. Гудзий, проф. Д. Благой¹⁴

¹⁴ *Гудзий Н.К., Благой Д.Д.* Поездка на фронт // Московский университет. 1944. 11 апр. № 15. С. 2. Приношу благодарность А.Л. Лифшицу (Научная библиотека МГУ им. М.В. Ломоносова) за сообщенные сведения. Автограф этого текста, принадлежащий Гудзию и сохранившийся в его архиве, имеет некоторые отличия от печатного текста, см.: ОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 1. Ед. хр. 18.

Предшествовал этой публикации появившийся 15 марта 1944 г. во фронтовой, дивизионной газете «На разгром врага!» весьма эмоциональный текст Благого и Гудзия под названием «Пушкин в Михайловском (Мы с Пушкиным шагаем по окопам)», выступление-призыв:

Немцы оскверняют память великого гения литературы. <...> Еще в июле 1941 года немецкая авиация разбомбила Святогорский монастырь, где похоронен Пушкин. Немцы совершили неслыханное кощунство: рядом с пушкинской могилой они похоронили какого-то немецкого генерала. <...> Бессмертная лира Пушкина зовет тебя, воин, в бой! Путь на запад лежит через Пушкинские горы. Вернем Родине, нашей истории, нашей литературе священные места, где жил и творил Пушкин – гордость и великая слава России¹⁵.

Накануне 145-летия со дня рождения поэта, 3 июня в газете «Литература и искусство» была напечатана статья Благого и Гудзия «Пушкин на фронте». В этом тексте, разительно отличающемся от мартовской публикации, сочетающем элементы нескольких жанров (очерка, военного репортажа) и наполненным интонациями глубоко личного отношения, содержались важные подробности той самой поездки, записи о которой были нами обнаружены в записной книжке ученого, а также впечатления от посещения Новоржева и многие другие живые детали. До освобождения Пушкинских гор, Михайловского и Тригорского – главных «жемчужин» заповедника – оставалось сорок дней:

Совсем недавно здесь был старинный уютный городок, который Пушкин ласково называл «моим Новоржевом». Сейчас от Новоржева не уцелело ни одного дома. От Новоржева – прямая дорога к Пушкинским горам, к Михайловскому, такому близкому и еще недоступному. Кругом, во все стороны, все – пушкинское.

Авторы статьи приводили печальную хронику происходившего в пушкинских местах в 1941–1943 гг. (подрыв Святогорского монастыря, осквернение могилы Пушкина, захват заповедника, вырубка Михайловского парка), опубликовали записанные во время поездки свидетельства местных жителей и военных, вернувшихся с передовой:

¹⁵ Благой Д., Гудзий Н. Пушкин в Михайловском (Мы с Пушкиным шагаем по окопам) // На разгром врага! 1944. 15 марта. № 67. С. 1.

Мы побывали в различных воинских частях, провели ряд бесед и лекций о Пушкине, о пушкинских местах в редакциях красноармейских газет, в палатках полевых госпиталей, в крестьянских избах, для агитаторов фронта, для артиллеристов, для автоматчиков. <...> Особенно запомнилась встреча с артиллеристами на огневых позициях. Чудесный солнечный день. Замаскированные еловыми ветками стволы гаубиц. Близо идет бой – грохочут орудия, а тут звучат и льются вечно юные пушкинские стихи. <...> Гостеприимнейший хозяин, приютивший нас у себя во время пребывания в дивизии, щедрый и открытый русский человек, выкованный в крепчайший булат тяжким млатом войны, прошедший с боями от Москвы (за оборону которой у него на груди орден Ленина) до Новоржева, подполковник Федор Иванович Куцепин¹⁶ пишет нам: «Встреча советских ученых с нами, солдатами переднего края, – разве это не яркий показатель единства нашего тыла и фронта, общности нашего стремления к победе».

Завершал статью своего рода эпилог, выражавший надежду на скорую победу, надежду бессмертную и оплаченную столь высокой ценой:

Мы твердо верим и знаем, что какие бы ни предстояли еще испытания и жертвы, день этот, день неумолимого суда и праведного возмездия, и вместе с тем великого торжества наших, пушкинских, человеческих идеалов над звериной «философией» и «моралью» фашизма, воистину недалек¹⁷.

В июле 1944 г. состоялось долгожданное освобождение Пушкинского заповедника. Вместе с тем на этой территории оставалось еще много работы военным одной из самых опасных специальностей – саперам, поскольку многие места заповедника были тщательно заминированы немцами незадолго до их отступления. Еще один корпус записей в записной книжке Гудзия охватывает период с 12 по 24 июля и предельно лаконично (что неудивительно для «полевых» в прямом смысле слова записей) рассказывает о подготовке к достаточно трудной поездке в Пушкинские горы, где Гудзий

¹⁶ *Федор Иванович Куцепин* (1904–1968), подполковник, начальник Политотдела 391-й стрелковой дивизии 2-го Прибалтийского фронта. На момент публикации статьи Благого и Гудзия имел две боевые награды: орден Ленина (1942) и орден Отечественной войны II степени (1943). Осенью 1944 г. был награжден орденом Отечественной войны I степени.

¹⁷ *Благой Д., Гудзий Н.* Пушкин на фронте // Литература и искусство. 1944. 3 июня. № 23. С. 2.

с Благим провели четыре дня, о посещении ими Михайловского, Петровского, Тригорского, городища Воронич.

12. Взятие Идрицы (приказ Сталина)¹⁸. Разговор с Логиновым¹⁹. Предложение ехать в Пушк<инские> горы.

13. Днем звонок от Логинова и от полк<овника> Царицына²⁰. Сообщение о взятии Пушк<инских> гор. Сводка Информбюро. Разговоры о необход<имости> ехать.

14. Продолжение разговоров. Совещание у ген<ерала> Веселова²¹ в 9 ч. Завтра, в 4 ч. утра вылет.

Суббота 15. В 4 часа утра приехал Веселов. В 5 часов утра на аэродроме. В 6 ч. вылет. 2 первых часа отлично. Потом дождь, ветер, мне плохо. В 10.40 приземлились в болоте. Пешком 5 килом<етров> до села Чернушина. Оттуда 15 килом<етров> на лошадях на аэродром. Мокрые, усталые, вылет, ночевка (Малые Старины).

16. Весь день – в Малых Старицах. Ждем машины. <...> Предложение ехать на Выборг. Отказываемся. Поздно приходит машина (грузовая) с 3 офицерами.

17. Рано утром – в Пушкинские горы. Прибыли ок<оло> 12 часов. Картина полного разрушения. Обшитый памятник! Мины. Остановились в полевом госпитале. Необыкновенно чистойшая землянка глав<ого> врача – женщины. Приготовили землянку, но отсоветовали. Боялись мин. <...> Вели вечер после обеда у могилы Пушкина. Фотосъемка и киносъемка.

18. Михайловское. Петровское. Воронич. Городище. Тригорское²².

¹⁸ 12 июля Красной Армией были взяты опорный пункт вражеской обороны и аэродромный узел, город Идрица.

¹⁹ Речь идет о майоре П. Логинове, которому принадлежат также и фотографии, запечатлевшие мартовскую поездку на фронт Гудзия и Благое (Архив РАН. Ф. 1828. Оп. 1. Ед. хр. 707; см. публикацию двух фотографий из этой серии: [Цыганов 2024, с. 207]). Более подробными сведениями о нем мы не располагаем, не позволяем их установить и обращение к базам данных об участниках Великой Отечественной войны.

²⁰ Царицын, начальник Отдела культпросветучреждений Управления агитации и пропаганды Главного политического управления Красной Армии, полковник. Более подробных сведений найти не удалось.

²¹ Владимир Васильевич Веселов (1907–1948), генерал-майор, заместитель начальника Управления пропаганды и агитации Главного политического управления РККА.

²² «Немецко-фашистские захватчики опустошили и загадили парк в Тригорском, изрыли траншеями, оплели проволочными заграждениями и заминировали. Под огромным вековым “Пушкинским” дубом немцы

- 19–20. Сбор материалов у населения. Выезд из Пушкинских гор.
 20. Поздно вечером отъезд в штаб 3-го Прибалт<ийского> фронта.
 22. Утром выезд на Великие Луки около 200 кил<ометров>. В 5 ч. в Бел<иких> Луках. Поезда на Москву не идут (бомбежка). На Бологое.
 23. В 2 часа приехали в Бологое. В 5.45 выехали в Москву.
 24. Понедельник. Приезд в Москву в 5 ½ утра. К Тане²³.

Последней публикацией военного «пушкинского» цикла оказалась статья Благого и Гудзия «Народная святыня», напечатанная 2 сентября 1944 г. в газете «Литература и искусство» уже после того, как 29 августа в «Известиях» появился неоднократно цитировавшийся нами «Акт» Чрезвычайной Комиссии²⁴. В значительной степени этот наполненный подробностями текст комментирует краткие, почти телеграфные по краткости записи Гудзия:

Когда весной нынешнего года мы были на фронте, в частях Красной Армии, сражавшихся вблизи Пушкинских Гор, до нас доходили смутные слухи о бесчинствах, учиняемых гитлеровцами в Пушкинском заповеднике. Наше командование, всячески оберегая Пушкинский Заповедник, не допускало действий артиллерии на этом участке, дабы не причинить каких-либо повреждений ни могиле поэта, ни Святогор-

устроили блиндаж. Красивейшее место парка – склон у берега Сороть, где была расположена так называемая “Скамья Онегина”, исковеркано немцами. В парке много деревьев вырублено, большая часть парка заминирована. Прилегающее селение Воронич, связанное с написанием “Бориса Годунова”, в значительной части разрушено. <...> Сожжена деревянная церковь, сохранявшаяся со времени Пушкина, в которой он отслужил 7 апреля 1825 года панихиду по великом английском поэте Байроне. Кладбище около церкви, на котором погребены один из родственников Пушкина, В.П. Ганнибал, и близкий знакомый поэта, священник И.Е. Раевский, заминировано, изрыто траншеями и разорено. Могилы членов семьи Осиповых-Вульф, находящиеся на соседнем с Вороничем холме Городище, также подверглись осквернению со стороны немцев. Мраморная плита над могилой владелицы Тригорского П.А. Осиповой разбита; мраморный крест на могиле ее сына, приятеля Пушкина А.Н. Вульфа, поврежден» (Чрезвычайная государственная комиссия... С. 260–261).

²³ ОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 13. Ед. хр. 22. Л. 21об.–22об. Автограф карандашом на страницах упомянутого ежедневника с типографским текстом «Июнь», зачеркнутым рукой Гудзия и исправленным на «июль».

²⁴ Б. н. Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников // Известия. 1944. 29 авг. № 205. С. 3.

скому монастырю, ни Михайловскому и Тригорскому. <...> Картина нарочитого, остервенелого глумления над памятью прославленного русского поэта раскрылась перед нами, когда мы вступили в пределы Пушкинского Заповедника. Как будто смерч пронесся по нему, сметая и калеча все на своем пути. Оскорбленный и поруганный памятник на могиле Пушкина, наспех обшитый досками, за которыми упрятаны были мины, скорбно стоял среди груды мусора, щебня, обломков монастырского храма. А в нескольких шагах от него – наполовину разрушенная главная церковь Святогорского монастыря являла такой вид, будто тут только что происходил шабаш ведьм. Немцы перед уходом дали волю своему кощунственному разгулу и не только разгромили церковную утварь, но упражнялись в стрельбе в иконы и растерзали церковные книги и документы, вырвали все до одной иконы из иконостаса и разбросали их по полу. Домик няни они разрушили до основания, а доски его, бревна, двери, окна пошли на сооружение тут же построенного блиндажа. Рядом с развалинами домика Арины Родионовны торчат обуглившиеся развалины Пушкинского музея, все содержимое которого было раскрадено и увезено в Германию²⁵.

В новейшей, богато документированной работе Д.М. Цыганова, посвященной «идеологии и прагматике пушкиноведческих работ» Благоего, периоду, к которому относятся процитированные в настоящей статье газетные публикации, дана справедливая оценка с точки зрения соответствия работ, появлявшихся в печати, общей политической стратегии партии и правительства и однозначно декларируемым установкам и указаниям:

Уровень филологического знания падал, происходила широчайшая экспансия публицистики в академические исследования, а сама наука становилась производной от идеологизированных тезисов газетных передовиц. <...> Пушкин как бы раскрыл экспансивный потенциал русской культуры, ее способность влиять на наднациональную эстетическую обстановку. Те же самые смыслы в середине 1939 – начале 1941 года аккумулировались и центральной периодикой: советское политическое руководство, нуждавшееся в оправдании собственной геополитической активности, искало его в прошлом. Параллельно с этим происходило и укоренение сталинского эстетического режима. <...> Во время войны существенно сместились ценностные ориентиры всей советской публичной сферы: на первый план выдвинулась тема «советского патриотизма» – основы национальной идентичности. <...>

²⁵ Гудзий Н., Благой Д. Народная святыня // Литература и искусство. 1944. № 36. 2 сентября. С. 1.

Литературоведение, тогда рассматривавшееся как разновидность творческой работы, было подчинено решениям «руководящего центра» Союза советских писателей. <...> Идеологическая нестабильность военного времени делала пушкинскую тему ненадежной и до некоторой степени опасной.

Автор работы приводит фрагмент из речи А.А. Фадеева «О советском патриотизме и национальной гордости народов СССР», произнесенной в августе 1943 г., где подчеркивалось:

Корни шовинизма и национализма подрублены в нашей стране. <...> Никогда еще национальные задачи народов СССР так не совпадали с интернациональными общечеловеческими задачами, как в великой освободительной борьбе народов против германского фашизма²⁶.

Безусловно, появление текстов, подобных тем, что мы привели в нашей статье, их «идеология и прагматика» в определенной и значительной степени определялись обстоятельствами и причинами социально-политического характера. Но, не забывая об этом, нельзя не отметить, в особенности – знакомясь с дневниковыми записями Гудзия, что поездки на фронт, собранные там сведения и полученные впечатления, личное общение с солдатами, офицерами, руководящим составом армии, местными жителями оставили на многие годы живой след в памяти ученых. Эти эпизоды стали заметными фактами их научной и, главным образом, человеческой биографии. Не сомневаемся, что они рассматривали и поездки, и написанные им тексты, и свое участие в работе Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков как посильный вклад в общее дело борьбы с фашизмом и сохранения отечественного культурного наследия, отвечавший глубочайшей душевной потребности.

Литература

- Зайденшнур 1994 – *Зайденшнур Э.Е.* «Я поступила в музей в марте 1924 г.» / Публ. О.А. Голиненко и Б.М. Шумовой // *Неизвестный Толстой в архивах России и США*. М.: АО «ТЕХНА-2», 1994. С. 425–443.
- Николай Каллиникович Гудзий 1957 – Николай Каллиникович Гудзий: К 70-летию со дня рождения и 45-летию научно-педагогической деятельности. М.: Изд-во Московского ун-та, 1957. 45 с.

²⁶ Цит. по: [Цыганов 2024, с. 201, 203–206].

Переписка 2020 – Переписка Ю.Г. Оксмана и Н.К. Гудзия (1930–1965) / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. М.А. Фролова // Русская литература. 2020. № 4. С. 136–185.

Цыганов 2024 – *Цыганов Д.М.* «И миру тихую неволю в дар несли...» Идеология и прагматика пушкиноведческих работ профессора Д.Д. Благого (1920–1950-е годы) // Временник Пушкинской комиссии: Сб. научных трудов. Вып. 38 / Отв. ред. А.Ю. Балакин. СПб.: Росток, 2024. С. 193–222.

References

Frolov, M.A. (2020), “Correspondence of Yu.G. Oksman and N.K. Gudziy (1930–1965)”, *Russkaya literatura*, no. 4, pp. 136–185.

Gudziy N.K. (1957), *Nikolai Kallinikovich Gudziy. K 70-letiyu so dnya rozhdeniya i 45-letiyu nauchno-pedagogicheskoi deyatel'nosti* [Nikolai Kallinikovich Gudziy. On the 70th anniversary of his birth and the 45th anniversary of scientific and pedagogical activity], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia.

Tsyganov, D.M. (2024), “‘And they brought quiet bondage to the world as a gift...’ Ideology and pragmatics of Pushkin studies by professor D.D. Blagoy (1920–1950s)”, Balakin, A.Yu. (ed.), *Vremennik Pushkinskoi komissii: Sb. nauchnykh trudov. Vyp. 38* [Chronicle of the Pushkin Commission. Coll. of scientific papers], iss. 38, Rostok, Saint Petersburg, Russia, pp. 193–222.

Zaidenshnur, E.E. (1994), “I entered the museum in March, 1924”, Borisova, I.P. (ed.), *Neizvestnyi Tolstoy v arkhivakh Rossii i SShA* [Unknown Tolstoy in the archives of Russia and the USA], АО «ТЕКХНА-2», Moscow, Russia, pp. 425–443.

Информация об авторе

Максим А. Фролов, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия; 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, д. 25а; m.a.frolov@gmail.com

Information about the author

Maksim A. Frolov, Cand. of Sci. (Philology), A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 25a, Povarskaya Street, Moscow, Russia 121069; m.a.frolov@gmail.com